

О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ • О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ • О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Александр ЗИНОВЬЕВ:

Кн. обозрение. — 1999. — 30 авг. — с. 6-7.

«ПОЛОЖЕНИЕ БЕЗНАДЕЖНО, ПОЭТОМУ БУДУ СРАЖАТЬСЯ ДО КОНЦА!»

— Этим августом исполняется 90 лет знаменитому сборнику «Вехи». Перечитала. Некоторые работы словно сейчас написаны. Те же, что и в начале века, общественная апатия, духовный разброд, развал государственности, преступность. Русская литература также залита «мутной водой порнографии» и сенсационных изданий. А еще — актуально звучит приговор тем, кого именуют интеллигенцией...

— Не стоит сваливать в кучу посредством слова «интеллигенция» самые разнообразные категории людей. По-моему, это понятие вообще потеряло смысл. Одно дело, когда говорили об интеллигенции в XIX или начале XX века, иное, как ее воспринимают сегодня. Перед нами полярные явления. До революции всякого образованного человека относили к интеллигенции. Можно ли сказать то же самое об образованных людях советского или нынешнего периода? Обо всех этих партаппаратчиках, гэбэшниках со степенями? Или теперешних политологов, «технологов» избирательных кампаний? О нищей массе учителей, врачей? Да и непосредственно в творческой среде, в сфере культуры — одни занимались только творчеством, другие же выполняли идеологические функции, были связаны с ЦК, с органами...

Говоря об интеллигенции, Бердяев имел в виду таких образованных людей, которые участвовали в формировании общественного сознания, влияли на людские умонастроения. Эта часть сильно увеличилась в советский период, усложнилась ее структура. Говорить сейчас в общем о роли интеллигенции просто бессмысленно. Большинство советских писателей были идеологическими работниками, а уровень их сочинений отличался посредственностью. Критически настроенные к власти оставались в меньшинстве. Но весь этот «самиздат», «тамиздат» сыграл свою огромную роль. Сказать, что в этой сфере писатели действовали во имя свободы творчества, не могу. Развитие событий показало, что все они практически стали орудием «холодной войны» и выполняли функции проводников западной идеологии. Запад осуществлял атаку на Советский Союз, и эти люди так или иначе использовались.

Когда я писал «Зияющие высоты», то не стремился к разрушению страны, советского общества. Был уверен, что эта система незыблема. Но ведь и мои работы организаторами «холодной войны» были взяты на вооружение. Мы все равно оказались на острие идеологической борьбы. Уходя от одного, попадали под пресс другого. Произошел раскол. Творческая среда наша окончательно раскололась на тех, кто остался апологетом советской системы, а критически настроенные поделились на сознательных врагов советского строя и тех, кто не помышлял о его уничтожении. Замечу, что апологеты оказались слабы и бездарны, советская идеология не без их помощи не сумела отстоять свои ценности. А диссиденты — тоже в целом бездарные, даже более, чем их противники, — получили колоссальную поддержку на Западе, и активно влияли на состояние умов.

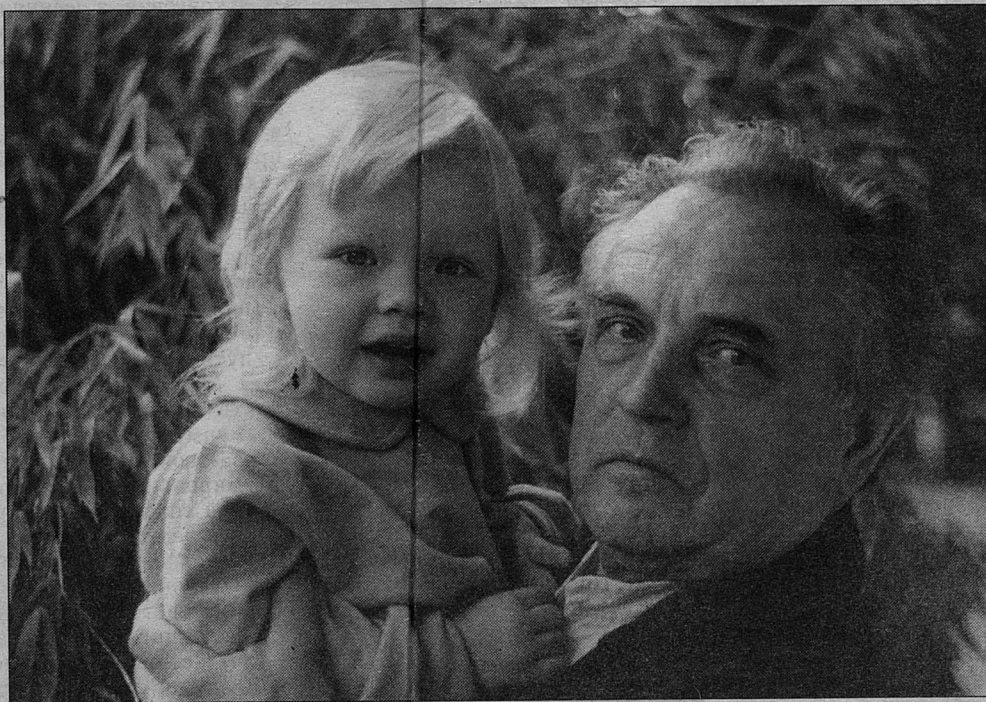
В этой войне идеология, пропаганда — главное оружие, стоившее колоссальных средств. Радио, TV, пресса — все было подключено. Все определяли не убеждения, не талант, а деньги. Апологеты все позиции сдали...

— Или сдали самих апологетов...

— Да. Повторю без всяких эмоций как социолог: советская интеллигенция сыграла в «холодной войне» предательскую, зловещую роль. Одни капитулировали, другие спешно перешли на сторону врагов. Разложение советского общества началось не из народа, а из интеллигентской среды. Диссиденты стали «пятой колонной» Запада — вот так ситуация выглядела с научной точки зрения.

— Автор нашумевшей книги «Прощай, Россия!» итальянский журналист

Книги, статьи, интервью всемирно известного писателя, ученого, философа А.А.Зиновьева, жившего долгие годы на Западе, давно известны читателю в России. Его мысли не могут оставить равнодушными никого из тех, кто озабочен будущим Отечества. Теперь и сам писатель окончательно вернулся к нам, в Москву. Одно из первых больших интервью на родной земле — для «КО». С Александром Александровичем ЗИНОВЬЕВЫМ беседует критик и публицист Людмила ЛАВРОВА

Александр Зиновьев с дочерью. 90-е годы

Джульетто Кьеза сказал недавно в беседе со мной, что русская интеллигенция капитулировала и в творческом плане. За эти десять с лишним трагических лет не создала почти ничего художественно значимого, подобно тому, как Диккенс сумел отразить драму капитализации Англии...

— Странно слышать это мне, написавшему около пятидесяти книг, среди которых «Катастрофка», «Светлое будущее», «Иди на Голгофу», «Гомо советикус», «Глобальный человек», где дан развернутый анализ советского общества периода «холодной войны», перестройки, контрреволюции и постсоветского периода. С социальных позиций это неизмеримо сильнее того, что делалось в литературе критического реализма.

— Вы создали целый мир.

— Возможно. Диккенс, кстати, вполне укладывался в современное ему общество, имел поддержку. Меня встретили враждебно и в России, и на Западе. Изменились эпоха и место литературы в духовной жизни человека. Думаю, должен появиться новый тип литературы, если она хочет влиять на людей так же, как влияла некогда классика. Пробиваться будет трудно. Полно «мастеров» найдется убить в зародыше, замолчать.

— А как вам нынешние московские книжные прилавки?

— У меня свой взгляд на литературу, вы, наверное, уже это поняли. Мне бывает достаточно прочесть строчку, иногда — страницу... Я как дегустатор...

— Интересно, выдержали бы «дегустацию» модные ныне Пелевин, Сорокин, Арбатова?

— Не о чем говорить, это все деградация литературы. Ничего значительного не вижу, хотя, возможно, и пропустил что-то. Но, опять же, утверждаю с позиций теоретика: и не появится значительное. Великая литература, сопоставимая с великими образцами прошлого, в этой помощи появиться не может. А если и пробьется, то успеха, известности не получит. Венечка Ерофеев в одном экземпляре напечатал книгу, а разошлась по всему миру.

Сейчас, чем гениальнее вы напишете, тем непроницаемое ледяное молчание опустится вокруг вас.

— У нас нынче успешно то, что несет фермент деградации, разрушения. Вы в своей книге «Запад» писали о колониальной цивилизации, предназначенной

для России. Но, думаю, после слов З.Бжезинского: «Россия — лишняя страна», можно говорить о колониально-ливидационном замысле по отношению к нам.

— Я кричу об этом в десятках статей и книг. Россия разгромлена. Почему? Да потому, что это была единственная в мире страна, которая, в отличие от Запада, генерировала эволюционную линию развития. И была способна эту линию продолжать. Силы Запада в десятки раз превосходили наши силы, но победу обеспечило, как я уже говорил, предательство. В полном смысле слова. Предательство не только интеллигенции, но и партийно-государственного руководства.

Результат разгрома: нам навязан такой дальнейший путь, который ведет к полному уничтожению великой державы, способной породить великую культуру. У нас поощряется теперь то, что вписывается в параметры глобализации, американизации. Кому нынче дают премии? Кого награждают? Сами знаете. Ужасающее дерьмо, иного слова и не подберешь. Тех, кто манипулирует Россией, это устраивает. Им — лишь бы она и дальше катилась к исторической гибели.

— Но ведь и западная элита, очевидно, проявляет тягу к духовному саморазрушению. Кого, к примеру, поддерживали в Косовском конфликте, явно инспирированном извне? Наркотоорговцев под видом борцов за свободу. На последнем фестивале в Каннах ни у кого не вызвала, похоже, отторжения, брезгливости сомнительная версия о любви Гитлера...

— Саморазрушение — слишком слабое с социологической точки зрения определение. Я еще при истоках распада Югославии поддерживал Р.Караджича, писал, чем все это может закончиться. Подобного падения западных интеллектуалов еще история не видала! Процесс интересный и плохо изученный. Этот феномен определяется сотней различных факторов. Одной причиной не объяснишь. Назову несколько, хотя бы в каком направлении стоит искать ответ. Число людей, вовлеченных в интеллектуальную деятельность сегодня, колоссально. На одну тему — тысячи. Растаскивают ее по мелочам, тогда как раньше появлялся единственный великий творец.

Сейчас — за деревьями леса не видно. Гений дробится на сотни тысяч талантиков и середнячков. В Германии сегодня только зарегистрированных 700 русско-

язычных писателей! И все издаются. И в России теперь больше так называемых писателей, чем во всем Советском Союзе. Толпа!

На Западе за год выходит один миллион новых названий! Попробуй-ка, найди достойное внимания.

Мне неоднократно говорили, что «Глобальный человек» мог бы стать мировым бестселлером.

Но нет. В Италии случайно прорвалась естественная реакция — больше 50 рецензий за неделю!

Однако тут же все заглушили. Даже те издательства, от которых аванс получил, отошли.

— Это вас задевает?

— Только наивные люди могут думать, что на Западе нет цензуры. Просто она неявная и более мощная, чем когда-то советская. Идет мировая атака на подлинную культуру, и она направляется из определенных центров. Поощряется безнравственность, «сорняки», все, что одурманивает, оглушает.

— У нас место идеологии одно время прочно занимали «Просто Мария», «мыльные оперы»... Теперь — игры, развлекаловка.

— Да это и есть идеология! Чемпион — Барбара Картленд. У нее издано более 700 млн. экземпляров книг во всем мире. О чем она пишет? О принцессах, королях, жгучей любви... Имеет спрос, а наркотики что, не имеют спроса? Создается нужная среда потребителей. Советский высококвалифицированный читатель, на которого нужны были годы воспитания, вымирает. Скоро некому будет отличать халтуру от творчества. Эта среда разрушена. СМИ решат, что и как читать.

— Как жить, все понимая, все видя?

— Я-то буду делать то, что и делал. Мне 77 лет, на что я могу рассчитывать? Как исследователь этой ситуации я сделал определенные выводы и от них не отказываюсь. Планы разгрома России стали строиться сразу после 1945 года.

— И вы не видите сил противостояния?

— Силы противостояния... Здесь двоякий смысл: я лично есть сила, которая противостоит. Есть люди — и будут, — которые протестуют... И число их будет увеличиваться. Но вопрос, способны ли такие силы остановить гибельный процесс?

Пока — победители на той стороне.

— Победители ли они? В их рядах — разброд, аморальность, самопоедание, маразм.

— Моя позиция такова: положение безнадежно, мы обречены, поэтому буду сражаться до конца. Пусть бы даже весь мир сказал мне: ты, Зиновьев, не прав, то, что происходит, — благо, я бы восстал против всего мира. Я, исследователь, беспристрастный ученый, констатирую факт: происходит убийство страны, народа. И, в целом, народ не сопротивляется, он поддался наваждению, сознательно навязанному.

Когда говорят: Россия не такое видала, отвечаю — не было ничего подобного в ее истории никогда.

Кстати, гениальный наш соотечественник Фоменко об истории России новаторски написал. Его открытия — повод для широкого обсуждения. А на деле — все тот же заговор молчания вокруг.

— Теперь вы — профессор Московского университета. Совсем не утопично — собрать вокруг себя единомышленников, студентов, людей здравомыслящих. Чем не точка роста, не начало пути к прозрению от единиц ко многим?

— Я надеюсь на это. Вот и наш разговор — уже акция. Вы знали, к кому вы пришли. Возможно, из миллиона таких акций сложится фронт духовного сопротивления.

Мало сегодня сохранить нашу прошлую национальную культуру. Тем более, что упор делается на этнографические моменты, матрешки, балалайки... На архаику. Нужно поддерживать то, что

О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И

может возвыситься, протянуться в новый век, войти вкладом в мировой культурный, научный фонд. Мы победим только на пути открытий всемирного значения.

Прошу понять меня верно. Когда нас сегодня завалили изданиями Ильина, Соловьева, Флоренского, — это хитрая попытка втянуть людей в прошлое. С этим багажом вперед не двинешься. Развивать необходимо то, что объясняет сегодняшнюю ситуацию, вооружает против деструкции.

А тут твердят: Бердяев, Ильин, монархисты, белые, красные...

Берусь утверждать: не будут усвоены уроки Зиновьева в российской культуре и социально-политической жизни — не будет новой России, а может, и России вообще. Нет, я не завишаю собственную самооценку. Я есть точка роста. Вот что надо поддерживать, а не рыться в пыльном хламе веков. Не то на дворе время.

Прорыв, новаторство, а не консервация этнографических подробностей спасет нас. Сегодня нужно делать то, чего не могли ни Диккенс, ни Бальзак, ни Л.Толстой... Надо стремиться делать лучше, лететь — выше... Тот же Фоменко, он входит в великую историю. Нельзя поддерживать лишь то, что тешит, убаюкивает национальное самосознание. Вот трагедия нынешней России: нигде, ни один народ не гробит так свои точки роста, как русские. Моя судьба писателя, ученого — это не есть моя личная судьба, это и судьба Отечества. С сараями, матрешками, балалайками и завалинками нам в XXI веке, действительно, места не будет.

— Но ведь не читали же мы, в самом деле, в свое время ни Ильина, ни Флоренского, ни Леонтьева...

— Ну, прочли, а что изменилось? В том, что перед вами все это выложили, — тоже виден элемент удушения русского народа. Уверяю, хорошо все заранее продумано. Чем вас «Свобода» пичкала в конце 80-х? Верно, «Русской идеей» нью-йоркского Б.Парамонова. Я ведь там долго считался критиком советского режима № 1. Всю эту «кухню» наблюдал собственными глазами. В том числе слышал и это: «Пусть переиздают свои древности».

Вся мудрость прошлого стала суемудрием, включая марксизм. Но вот как марксизм отбрасывали — тоже вопрос! Просто выкинули, вместо того чтобы подняться на более высокий уровень понимания общественных отношений, социума. Выкинули, одновременно убрав все то, что могло двигать вперед.

Вместо того, чтобы осмысливать современность, искать ростки созидания, люди корпят над Бердяевым. Тоже способ держать мысль в узде.

Вот увидите, еще и советских писателей переиздадут! Скажут — ретро, это модно! А народ будет вымирать, в пыль превращаться... Народ жив будущим. Перспективой. Срежьте точки роста — все, смерть. Конец истории. Настоящий, не фукуямовский. Иногда достаточно лишь одну головку срезать, но — лучшую... Все. Берусь доказать, что нынешнее «гробокопательство» также сыграло свою роковую роль, внесло свою лепту в дезорганизацию интеллекта россиян.

Достаточно послушать разговоры, почитать газеты — страна находится в идейном хаосе. Мозги сверху донизу у всех набекрень. Политики пустую проблематику на три минуты обсасывают часами. А цитат сколько! И Аристотель, и Платон. Но все для того, чтобы «утопить» дело.

Уверяю вас как профессор-логик, как человек, умеющий анализировать тексты: никогда прежде в истории подобная масса людей не производила такое количество слов. Колоссальный, бессмысленный поток слов! Критики, ругани, шума много, а трезвого взгляда на то, что есть, куда идем, нет и не предвидится.

Вот вы раньше спросили, чем я задеваю, почему Запад меня бойкотирует? Ведь там критикуют происходящее у них еще жестче. Но я-то не критикую, не разоблачаю. Я в своих исследованиях добрался до основ, до механизма, а это знать нежелательно.

— Пишете что-то сейчас?

— В работе книга, социологическая повесть. Условное название «Русская трагедия». Одна научная работа. Когда выйдут, трудно сказать. Мне сейчас прозу писать не хочется... Не все можно сказать в этом жанре. Слишком слаба литература, чтобы выразить, передать происходящее. Социальная публицистика требуется, поднятая на уровень сверхлитературный, сверхнаучный...